

БАЛТИЙСКИЙ ВЕКТОР В СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ БАЛТИКИ

Р. А. Гресь^{1,2}

Б. С. Жихаревич^{1,3}

¹ Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук,
190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 36–38, лит. А

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

³ Международный центр социально-экономических
исследований «Леонтьевский центр»,
190005, Россия, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, 25, лит. А

Поступила в редакцию 29.05.2024 г.

Принята к публикации 31.08.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-4

© Гресь Р. А., Жихаревич Б. С., 2024

Методом количественного контент-анализа изучено содержание 63 стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, входящих в Российскую Балтику, с целью оценки степени проявленности в текстах «балтийского вектора» — сюжетов, обусловленных данным местоположением. Анализировались тексты стратегий, актуальных на февраль 2024 г. и разработанных в период 2010–2023 гг. На основе числа упоминаний 77 слов-маркеров рассчитаны индексы проявленности векторов (ИПВ). В формуле расчета ИПВ учитывалось абсолютное число упоминаний слов с корректировкой на значимость слов, которая определялась по частоте употребления и по месту в тексте стратегии. ИПВ рассчитаны для трех взаимосвязанных векторов: балтийского, европейского и глобального. Максимальные значения ИПВ зафиксированы в стратегии Калининградской области, что помимо объективных факторов обусловлено аномально большим объемом этой стратегии. Среди муниципальных образований лучшие показатели отмечаются у муниципальных образований Калининградской области (Калининград, Зеленоградский, Гусевский, Славский, Балтийский городские округа, Багратионовский муниципальный округ), а также у Пскова и Выборгского района Ленинградской области. Для Калининграда и Выборгского района проанализированы по две одновременных редакции стратегий, что позволило отметить изменения в объеме и характере рассмотрения балтийских сюжетов: стратегии становятся короче, балтийским сюжетам уделяется меньше внимания. Построена картосхема, иллюстрирующая разделение муниципальных стратегий на пять групп по каждому из векторов. Четко проявлена пространственная дифференция — среднее значение ИПВ по стратегиям ближнего круга Российской Балтики в 2,7 раза выше, чем по стратегиям внешнего круга.

Ключевые слова:

балтийский вектор, Балтийский регион, Российская Балтика, стратегия социально-экономического развития, субъект Российской Федерации, муниципальное образование, контент-анализ

Введение

Балтийский вектор (как и любой другой вектор в развитии территории) может складываться относительно стихийно, а может формироваться под воздействием органов управления. Вопрос о соотношении объективных и субъективных фак-

Для цитирования: Гресь Р. А., Жихаревич Б. С. Балтийский вектор в стратегиях регионов и муниципалитетов Российской Балтики // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 62–85. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-4

торов, о сопряженности стратегического планирования, региональной политики и реального социально-экономического развития постоянно привлекает ученых. Можно назвать, например, исследования А. Г. Дружинина и О. В. Кузнецовой по теме воздействия «фактора моря» на региональную политику в Балтийском регионе [1; 2]. Авторы говорят об актуальности включения в Стратегию пространственного развития РФ на период до 2025 г. оценки возможностей формирования в приморских регионах форматов морехозяйственной активности [1, с. 14], тем самым проясняется вопрос о связанности планирования, управления и развития.

Предпосылкой нашего исследования стал данный вопрос в следующем преломлении: насколько фиксируемая территориально-хозяйственная специфика, обусловленная близостью к Балтийскому морю, является результатом целенаправленного воздействия на региональном и муниципальном уровнях управления? Существенна ли роль этих уровней или развитие идет в основном под влиянием решений бизнеса и федерального центра? Найти ответ на этот вопрос непросто, он распадается на множество частных вопросов. Лишь на один из них мы пытаемся ответить в статье: осознают ли региональные и муниципальные власти специфические возможности и ограничения, обусловленные близостью к Балтийскому морю, и отражаются ли эти аспекты в стратегиях социально-экономического развития субъектов федерации и муниципальных образований (далее — стратегии).

С учетом изложенного конкретная **цель исследования** формулируется так: выявить степень проявленности балтийского вектора в текстах стратегий регионов и муниципалитетов Российской Балтики. Под проявленностью балтийского вектора стратегии в данном исследовании понимается уровень отражения в тексте стратегии проблем и направлений развития, обусловленных расположением в Балтийском регионе. При этом проявленность балтийского вектора изучается в увязке с проявленностью европейского и глобального векторов.

Кроме этой основной цели имеется сопутствующая цель — апробировать дополнения в авторскую методику контент-анализа, позволяющие более адекватно оценивать отражение того или иного сюжета в стратегии.

В статье излагаются результаты решения следующих задач (этапов) исследования:

1) на основе изучения подходов к делимитации границ Балтийского региона зафиксировать список изучаемых российских объектов — субъектов РФ и муниципалитетов, входящих в Балтийский регион (или его часть);

2) определить временной период исследования и провести систематический поиск официальных текстов стратегий этих объектов, принятых в данный период;

3) модифицировать методику контент-анализа текста стратегий для получения количественных оценок степени проявленности балтийского, европейского и глобального векторов (а именно — сформировать список слов-маркеров, фиксировать схему их подсчета и метод формирования интегрального индекса проявленности);

4) проанализировать и оценить тексты, получив количественные характеристики проявленности указанных векторов;

5) изучить и описать особенности проявленности балтийского, европейского и глобального векторов в региональных и муниципальных стратегиях в зависимости от географического и иных факторов.

Наше исследование вписано в контекст смежных работ и опирается на их результаты. Существенными для исследования являются следующие аспекты: границы и сущность Балтийского региона [3, с. 18], приморское и приграничное положение как факторы развития регионов и муниципалитетов [1—2; 4—7]. Напрямую с нашим исследованием связаны темы изучения текстов стратегий, в том числе методом контент-анализа, и слабо разработанный вопрос об отражении локальной специфики в документах планирования [8].

Изучение документов планирования, прежде всего региональных стратегий, сформировалось как научное направление одновременно с появлением самих стратегий. Среди его пионеров следует назвать В. В. Климанова с соавторами [9], использовавшими структурно-содержательный анализ. Позднее появились работы, опирающиеся на контент-анализ [8; 10—13]. Для Балтийского региона контент-анализ текстов региональных стратегий применялся С. В. Степановой в рамках изучения вопросов туристско-рекреационного освоения приграничных субъектов Северо-Запада РФ [14]. П. Л. Глухих рассматривал стратегии регионов СЗФО РФ с помощью качественного и количественного контент-анализа для определения соответствия региональных целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта федеральным [15].

Среди зарубежных научных работ, в которых контент-анализ применяется для изучения социально-экономического планирования в Балтийском регионе, можно назвать исследование Б. Марцишевска, направленное на изучение распространенности тематики государственно-частного партнерства для развития туризма в стратегических документах воеводств Северной Польши [16]. С. Ринкинен, Т. Ойкаринен и Х. Мелкас используют качественный контент-анализ для изучения региональных стратегий Финляндии на предмет учета в них тематики социального бизнеса как инновации и источника экономического роста [17]. Х. Ахвенниemi и А. Хуовила задаются вопросом о том, как темы «разумности» (умного города) и «устойчивости» (устойчивого города) реализуются в городских стратегиях Финляндии. Авторы изучили стратегии шести крупнейших городов Финляндии и пришли к выводу, что имплементация этих двух тем в городских стратегиях часто не совпадает, а соотносится скорее с темами экономической и социальной устойчивости [18].

Выбранный нами в данном исследовании метод изучения стратегий — контент-анализ — получил большое распространение среди представителей общественных и гуманитарных наук, в том числе среди географов и экономистов [19, с. 4; 20] по всему миру (например, в работах иранских ученых [21; 22]). В последние годы появилась обширная литература об ограничениях и возможностях контент-анализа как исследовательского инструмента в различных областях знания [23—26]. С. Баден и его коллеги предлагают переход на гибридный контент-анализ с возможностью автоматической классификации объектов под контролем исследователя [27]. Для проведения контент-анализа все чаще используется специализированное программное обеспечение, такое как CiteSpace [28], MAXQDA [21] или ATLAS.ti [29].

Материалы и методы

Для формирования массива изучаемых материалов необходимо было опереться на один из существующих подходов к определению состава стран и их территорий, входящих в Балтийский регион. обстоятельное системное рассмотрение этого вопроса сделано в статье [3]. При фиксации списка изучаемых субъектов РФ и муниципалитетов (будем для краткости называть их «балтийские объекты») было решено принять за основу определение Балтийского региона, обозначенное в данной статье как «Расширенное А (VASAB)» [3, с. 18]. Исходя из этого определения Российская часть Балтийского региона (называемая иногда «Российская Балтика») включает семь субъектов РФ: Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Мурманская области и Республика Карелия.

Из этого списка мы исключили Новгородскую область, оставив только шесть регионов, имеющих непосредственный выход к Балтийскому морю или граничащих с зарубежными странами Балтийского региона (это восемь стран: Дания, Швеция,

Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, и Германия). Сохраним в данной статье для этих шести регионов термин «Российская Балтика» (точнее было бы каждый раз использовать «Российская Балтика без Новгородской области»).

В итоге в состав изучаемых балтийских объектов вошли шесть субъектов федерации, все муниципальные образования (МО) Ленинградской и Калининградской областей и приграничные МО Псковской и Мурманской областей и Республики Карелия. В интересах дальнейших сопоставлений и выявления влияния пространственного фактора выделены ближний и внешний круги Российской Балтики:

- ближний круг объектов Российской Балтики — регионы с морской границей (Ленинградская и Калининградская области, Санкт-Петербург), все муниципальные районы и городские округа (ГО) Калининградской области и муниципальные районы и ГО Ленинградской области, примыкающие к морской или сухопутной границе России;

- внешний круг объектов Российской Балтики — регионы, имеющие только сухопутные границы с зарубежными странами Балтийского региона (Псковская, Мурманская области и Республика Карелия) и их приграничные муниципальные районы и ГО, а также муниципальные районы и ГО Ленинградской области, не примыкающие к российской границе.

Таким образом, полный список объектов Российской Балтики, для которых осуществлялся поиск стратегий, включал 70 объектов:

- 6 субъектов РФ: Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Псковская, Мурманская области и Республика Карелия;

- 18 МО Ленинградской области: 17 муниципальных районов (Бокситогорский, Волосовский, Волховский, Всеволожский, Выборгский, Гатчинский, Кингисеппский, Киришский, Кировский, Лодейнопольский, Ломоносовский, Лужский, Подпорожский, Приозерский, Сланцевский, Тихвинский, Тосненский) и Сосновоборский городской округ;

- 22 МО в Калининградской области: 12 муниципальных округов (Багратионовский, Гвардейский, Гурьевский, Зеленоградский, Краснознаменский, Неманский¹, Нестеровский, Озёрский, Полесский, Правдинский, Славский, Черняховский) и 10 ГО (Балтийский, Гусевский *Ладушкинский*, Мамоновский, Пионерский, Светловский, Светлогорский, Советский, Янтарный и ГО «Город Калининград»);

- 9 МО в Псковской области: город Псков, 3 муниципальных округа (Печорский, Пыталовский, Красногородский) и 5 районов (Гдовский, Плюсский, Псковский, Палкинский, Себежский);

- 4 МО в Мурманской области: 2 муниципальных округа (*Печенгский, Ковдорский*); 2 муниципальных района (Кандалакшский, Кольский);

- 11 МО в Республике Карелия: 10 муниципальных районов (Лоухский, Калевальский, Муезерский, Суоярвский, Сортавальский, Лахденпохский, Питкярантский, Олонецкий, Пряжинский, Прионежский) и Костомукшский ГО.

Поиск и сбор стратегий перечисленных объектов проведен в феврале 2024 г. с использованием Государственной автоматизированной информационной системы «Управление» (далее — ГАСУ) и сайтов МО². Предметом поиска были официальные стратегии социально-экономического развития, утвержденные соответствующими министерствами или департаментами экономического развития МО. Год разработки стратегии фиксировался на основе даты ее утверждения или принятия соответствующими органами власти.

¹ Курсивом выделены объекты, стратегии которых не обнаружены.

² В сборе и первичном контент-анализе принимали участие студенты НИУ «Высшая школа экономики» М. Р. Игнатьева и Т. И. Шубина, проходившие производственную практику в МЦСЭИ «Леонтьевский центр».

Поиск осложнялся рядом обстоятельств, характерных для сложившейся практики представления муниципальной информации: расхождение данных на сайтах МО и в ГАСУ; низкое качество сайтов малочисленных МО, отсутствие системы хранения предшествующих документов и редакций документов. Несмотря на это в итоге тщательной работы по подавляющему большинству объектов (64 из 70) были найдены актуальные стратегии. Не обнаружены стратегии, отвечающие критериям поиска, по 6 МО (3 в Калининградской области и 3 в Мурманской области). Специального изучения причин отсутствия стратегий у этих МО не проводилось.

Для анализа были выбраны в основном исходные редакции стратегий, без последующих корректировок.

Контент-анализ проводился по схеме, описанной в нашей работе [30] и включающей а) формирование списка слов-маркеров, релевантных изучаемой теме; б) фиксацию для каждого слова одного из трех вариантов подсчета его упоминаний (с учетом или без учета синонимов и форм); в) подсчет числа упоминаний. В данном исследовании методика была существенно дополнена: введены веса слов-маркеров, зависящие от места упоминания в тексте стратегии и редкости использования слов; определены относительные показатели (в расчете на 1000 слов текста).

Набор слов-маркеров сформирован с учетом основной цели — выявления уровня проявленности балтийского вектора, который понимается, напомним, как уровень отражения в тексте стратегии возможностей и ограничений развития, обусловленных входением в Балтийский регион. Близость к Балтийскому морю и балтийским странам служит предпосылкой для появления в планах развития таких сюжетов, как приграничное сотрудничество, решение общих с соседними странами проблем охраны среды, обмен опытом решения одинаковых проблем, обусловленных географической близостью. Приморское и приграничное положение дает и более глобальные возможности выхода через море и соседей на мировые рынки. Это четко сформулировано в статье: «Итак, главная функция Балтийского моря как основы Балтийского региона — возможность связи любого прибрежного государства или города с любым другим прибрежным государством или городом без пересечения транзитных территорий» [6, с. 148]. Поэтому балтийский вектор неразрывно связан с европейским и глобальными векторами, вложен в них. Соответственно, в список слов-маркеров включены не только названия стран, входящих в Балтийский регион, и их приморских областей, но и такие термины, как «глобализация», «евроинтеграция» и т. п.

Всего было отобрано 77 слов. Поиск слов-маркеров в текстах стратегий проводился полуавтоматическим способом на основе встроенных инструментов поиска Microsoft Word и Adobe Acrobat. Тексты просматривались дважды на предмет выявления синонимов и однокоренных слов-маркеров. Результаты фиксировались в формате табличных данных Excel.

По результатам выявленной встречаемости слов-маркеров во всем изучаемом массиве текстов оказалось, что из 77 встречается только 51 слово. Слова-маркеры внутри каждого вектора были распределены на три группы по степени значимости, для каждой группы назначен коэффициент значимости: высоко значимые (1,5), значимые (1) и менее значимые (0,5). Более значимыми признаны слова, которые встречаются реже и при этом более специфичны. Высоко значимыми было решено считать слова, которые встречаются менее чем в 10 % стратегий, их оказалось 24; значимыми признаны слова, которые встречаются в 10—20 % стратегий выборки (их 13). Менее значимы распространенные слова, встречающиеся более чем в 20 % стратегий (их 14, это такие слова, как «Балтика», «Балтийское море», «Европа / европейский», «иностранный / зарубежный»). Для целей дифференциации стратегий по проявленности векторов их значение ниже, чем у редко встречающихся (табл. 1).

Таблица 1

**Перечень слов-маркеров с распределением по векторам,
значимости и варианту подсчета**

Вариант подсчета	Слова-маркеры
<i>Балтийский вектор (47 слов-маркеров)</i>	
Все формы	Балтика (0,5), Прибалтика (0,5), Ганза (1,5), Дания (1,5), Швеция (0,5), Финляндия (0,5), Эстония (0,5), Латвия (1), Литва (0,5), Польша (0,5), Германия (0,5), Гамбург (1,5), <i>Висмар</i> , Росток (1,5), <i>Любек</i> , <i>Киль</i> , <i>Щецин</i> , Гданьск (1), Гдыня (1,5), Клайпеда (1,5), Вентспилс (1,5), Рига (1), <i>Висби</i> , <i>Палдиски</i> , Таллин (1), <i>Хамина-Котка</i> , Хельсинки (1), <i>Турку</i> , <i>Наантали</i> , <i>Мариехамн</i> , <i>Капеллскер</i> , Стокгольм (1,5), <i>Нюнесхамн</i> , <i>Мальме</i> , Копенгаген (1,5)
Единственная форма	Балтийский регион (1), Балтийский макрорегион (1), Балтийское море (0,5), Финский залив (1), Фенноскандия (1,5), <i>Балтийское Поморье</i> , <i>Vision and Strategies Around the Baltic Sea (VASAB)/Модели и стратегии вокруг Балтийского моря</i> , Трансъевропейское сотрудничество для сбалансированного развития в регионе Балтийского моря (ИНТЕРРЕГ / Intereg) (1,5), <i>Союз балтийских городов (СБГ)</i> , Совет государств Балтийского моря (СГБМ) (1,5), « <i>Балтийское море</i> » — <i>Baltic Sea project (BSP)</i>
С синонимами	Приграничное сотрудничество (0,5)
<i>Европейский вектор (13 слов-маркеров)</i>	
Все формы	Европа/европейский (0,5)
Единственная форма	Европейская комиссия (1,5), Европейский союз (ЕС) (0,5), <i>Совет Европы</i> , <i>Европейский парламент (Европарламент)</i> , Северное измерение (СИ) (1,5), Организация Североатлантического договора (НАТО) (1,5), <i>Программа технического содействия Европейского союза странам СНГ и Монголии (ТАСИС)</i>
С синонимами	<i>Брюссель</i> , Еврорегион (1), <i>Шенгенская зона</i> , Зона евро (еврозона) (1,5), <i>Евроинтеграция</i>
<i>Глобальный вектор (17 слов-маркеров)</i>	
Все формы	Иностранный / зарубежный (0,5), глобализация (0,5), глобальный рынок (1,5), мировая торговля (1), мировой финансовый рынок (1,5)
Единственная форма	<i>Вестернизация</i> , развитые / развивающиеся страны (1), Всемирная торговая организация (ВТО) (1), Всемирный банк (1,5), <i>Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)</i> , Всемирное наследие (ЮНЕСКО) (1), Международный валютный фонд (МВФ) (1,5), БРИКС (1,5), ООН (1,5)
С синонимами	Транснациональные компании / ТНК (1,5), трансграничное сотрудничество (1,5), <i>G20</i>

Примечание: курсивом выделены слова, не встретившиеся в изученных текстах; в скобках указан коэффициент значимости слова; особенности вариантов подсчета пояснены в [30, с. 42].

Подсчет встречаемости проводился как по всему тексту стратегии, так и в отдельности по основным типовым разделам, которых было выделено пять (анализ социально-экономического развития (текущее состояние); цели и задачи, стратегические приоритеты; ожидаемые результаты, целевые индикаторы; мероприятия, проекты, инициативы (механизмы реализации); внешние и межрегиональные связи). Фактически стратегии сильно различаются по структуре, поэтому соотнесение фрагментов текста с типовым разделом было нечетким.

Для слов, которые встречались вне раздела «Анализ», содержащего анализ социально-экономического развития (описание текущего состояния), введен повышающий коэффициент — 1,25. То есть упоминание слов-маркеров в разделах, касающихся приоритетов, целей, задач, проектов, целевых индикаторов, признано более значимым, чем при констатации текущей ситуации и географического положения.

Для оценки проявленности вектора в отдельной стратегии рассчитывался *Индикатор проявленности вектора (ИПВ)* как взвешенная сумма числа упоминаний слов-маркеров. Формула расчета:

$$\text{ИПВ} = (1,5 \cdot N_{\text{вза}} + N_{\text{за}} + 0,5 \cdot N_{\text{мза}}) + 1,25 \cdot (1,5 \cdot N_{\text{вз}} + N_{\text{з}} + 0,5 \cdot N_{\text{мз}}),$$

где $N_{\text{вза}}$ — число упоминаний высоко значимых слов в разделе «Анализ»;

$N_{\text{за}}$ — число упоминаний значимых слов в разделе «Анализ»;

$N_{\text{мза}}$ — число упоминаний менее значимых слов в разделе «Анализ»;

$N_{\text{вз}}$ — число упоминаний высоко значимых слов во всех разделах, кроме раздела «Анализ»;

$N_{\text{з}}$ — число упоминаний значимых слов во всех разделах, кроме раздела «Анализ»;

$N_{\text{мз}}$ — число упоминаний менее значимых слов во всех разделах, кроме раздела «Анализ».

Значимость упоминаний слов-маркеров зависит и от объема текста. Поэтому кроме абсолютного числа упоминаний слов-маркеров в случаях, когда сравниваются тексты, существенно различающиеся по объему, полезно использовать и относительное (в расчете на 1000 слов текста) число упоминаний. Соответственно, будем называть *абсолютным ИПВ* ИПВ, рассчитанный по приведенной формуле, а *относительным ИПВ* значение абсолютного ИПВ, деленное на число слов в тексте и умноженное на 1000.

В дальнейшем анализе использовались в основном абсолютные ИПВ, поэтому, если не оговорено особо, далее под ИПВ понимается абсолютный ИПВ. Случаи, где именно объем текста мог серьезно повлиять на оценку проявленности векторов при использовании абсолютного ИПВ, рассмотрены отдельно.

Результаты и обсуждение

Массив текстов

По изложенной методике были рассчитаны абсолютные и относительные ИПВ для 63 (6 региональных и 57 муниципальных стратегий) из найденных в феврале 2024 г. 64 стратегий балтийских объектов¹.

Большинство изученных стратегий было принято в пятилетний период 2017—2021 гг., 5 — до 2017 г. и 6 — после 2021 г.

Стратегии существенно различаются по объему. Среди субъектов РФ самая про странная стратегия — у Калининградской области — 111 720 слов, а самая краткая — у Ленинградской области — 13 638 (разрыв в 8 раз). У остальных регионов разброс существенно меньше: Республика Карелия — 54 767, Псковская область — 46 573, Санкт-Петербург — 44 256, Мурманская область — 31 493.

Среди муниципальных образований разброс еще выше (в 11 раз), причем и самая объемная (стратегия Пскова — 83 653 слова), и самая краткая стратегия (стратегия Красногородского района — 7391 слово) встретились в одном регионе — Псковской области (табл. 2). Средний размер муниципальной стратегии меняется

¹ По техническим причинам не был обработан текст стратегии Себежского района Псковской области.

от региона к региону: краткость предпочитают в Калининградской и Псковской областях, подробнее стратегии в Ленинградской области и в Республике Карелия. Корреляции между объемом региональной стратегии и средним объемом муниципальной стратегии региона нет.

Таблица 2

Дифференциация объема текста 57 стратегий балтийских муниципальных образований

Регион	Число стратегий, ед.	Объем текста, слов		
		Средний	Максимальный	Минимальный
Мурманская область	1	15 235	15 235	15 235
Калининградская область	19	19 544	38 724	9917
Псковская область	8	27 252	83 653	7391
Ленинградская область	18	36 833	59 984	10 538
Республика Карелия	11	41 651	79 500	18 379

Выявившийся разброс стратегий по объему текста стал поводом для проверки гипотезы о существенном влиянии объема на значения абсолютных ИПВ. Коэффициент корреляции Пирсона между значениями ИПВ (в баллах) и объемом текста (число слов) для выборки муниципальных стратегий варьируется в пределах от 0,20 (для ИПВ по европейскому вектору) до 0,28 (для суммарного ИПВ), что свидетельствует о слабой связи между объемом стратегий и полученными значениями ИПВ. Дополнительно был рассчитан коэффициент детерминации для той же выборки по значениям суммарного ИПВ и объема стратегий. Значение R^2 равняется 0,07, то есть объем стратегий для значений ИПВ не является объясняющей характеристикой. В дальнейшем анализе используются и абсолютные, и относительные ИПВ.

Стратегии субъектов Российской Федерации

Рассмотрим результаты расчетов ИПВ для субъектов РФ. Абсолютным лидером по проявленности балтийской, европейской и глобальной тематики в стратегии социально-экономического развития является Калининградская область (табл. 3). Сумма ИПВ трех векторов в стратегии Калининградской области более чем в 6 раз превышает аналогичный показатель следующей за ней стратегии Санкт-Петербурга и более чем в 80 раз показатель Ленинградской области.

Таблица 3

Проявленность балтийского, европейского и глобального векторов в стратегиях регионов Российской Балтики

Субъект РФ	Доля встречающихся слов-маркеров, % от всех слов-маркеров	ИПВ, баллов			Сумма ИПВ	ИПВ относительный, баллов на 1000 слов стратегии			ИПВ относительный по сумме ИПВ
		Балтийского	Европейского	Глобального		Балтийского	Европейского	Глобального	
Калининградская область	53	254,8	125,1	186,4	566,3	2,27	1,12	1,66	5,06
Санкт-Петербург	29	34,9	15,1	43,0	93,0	0,79	0,34	0,97	2,10
Псковская область	12	23,6	0,5	22,1	46,3	0,51	0,01	0,48	0,99
Мурманская область	10	1,0	10,0	12,9	23,9	0,03	0,32	0,41	0,76
Республика Карелия	10	16,9	1,9	3,9	22,6	0,31	0,03	0,07	0,41

Окончание табл. 3

Субъект РФ	Доля встречающихся слов-маркеров, % от всех слов-маркеров	ИПВ, баллов			Сумма ИПВ	ИПВ относительный, баллов на 1000 слов стратегии			ИПВ относительный по сумме ИПВ
		Балтийского	Европейского	Глобального		Балтийского	Европейского	Глобального	
Ленинградская область	9	3,5	1,0	2,5	7,0	0,25	0,07	0,18	0,51
Разница между максимальным и минимальным значениями, баллов		251,3	124,1	183,9	559,3	2,24	1,11	1,59	4,65
Разница между максимальным и минимальным значениями (без Калининградской области), баллов		31,4	14,1	40,5	86	0,76	0,33	0,90	1,69

Наибольшая разница между максимальным и минимальным значениями ИПВ обнаруживается по балтийскому вектору, если учитывать Калининградскую область; без нее наибольшая разница фиксируется по ИПВ глобального вектора.

Заметим, что на уровне субъектов РФ выявляется ожидаемая закономерность — проявленность балтийского вектора у двух из трех стратегий ближнего круга балтийских объектов выше, чем у трех стратегий внешнего круга. Аномалией стала стратегия Ленинградской области.

Лидер по значению суммарного абсолютного ИПВ — стратегия Калининградской области — продемонстрировала аналогичный результат и по относительным ИПВ, опередив другие стратегии по каждому из трех векторов и суммарно (табл. 3). Самая краткая в выборке стратегия Ленинградской области по относительному ИПВ показала значения лучше, чем стратегия Республики Карелия, однако уступает Мурманской области как по европейскому и глобальному векторам, так и суммарно. В целом ранжирование региональных стратегий по значениям абсолютного и относительного ИПВ практически полностью совпадает.

Авторы не переоценивают гносеологическую ценность проведенных количественных сопоставлений. Однако как минимум подобный анализ позволяет выявить наиболее интересные кейсы для описания лучшей практики и для изучения причин контринтуитивных результатов.

Рассмотрим два крайних примера среди изученных областных стратегий: ожидаемо лидирующую (но на удивление с огромным отрывом) стратегию Калининградской области и неожиданно отстающую стратегию Ленинградской области.

Для интерпретации результатов нужно напомнить, что мы изучаем не регионы и муниципалитеты, а тексты их стратегий. Эти тексты формируются под воздействием нескольких факторов: а) объективная ситуация; б) степень ее осознания авторами текста; в) готовность и умение разработчиков и заказчика адекватно выразить эту ситуацию в тексте; г) общеполитический контекст и федеральные нарративы периода утверждения стратегии.

В **Калининградской области** изучался документ «Стратегия социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу», принятый Постановлением Правительства Калининградской области № 583 от 2 августа 2012 г.¹ Это второй по возрасту документ в выборке (старше только стратегия

¹ Постановление Правительства Калининградской области № 583 от 02.08.2012 г., *Правительство Калининградской области*, URL: <https://gov39.ru/working/ekonomy/strategy/> (дата обращения: 21.05.2024).

Багратионовского района — 2010 г.). Изменения в него вносились в 2019 и 2022 гг., но касались в основном технических моментов — обновлялись целевые показатели, добавлялись и уточнялись названия официальных документов.

Объективная специфика региона повлияла на структуру стратегии. Выделен пространственный раздел, освещающий вопросы международного и межрегионального сотрудничества с упоминанием балтийских регионов-партнеров, балтийских организаций сотрудничества. Имеется огромный раздел про экспорт (фактически отдельная экспортная стратегия, интегрированная в стратегию как раздел «Стратегия по обеспечению благоприятных условий для развития экспортной деятельности» Постановлением Правительства Калининградской области от 13.04.2022 г.). Подробно излагается вся постсоветская история региона в увязке с российским и международным контекстом в разбивке по этапам (1990-е гг., 2005—2008 гг., 2008—2010 гг.), анализируются документы ЕС, в том числе программа «Европа-2020». Основательность проработки этих сюжетов и текста в целом была заложена в предыдущих стратегиях, создаваемых с привлечением консультантов за счет международных грантов и опорой на мощный местный научный потенциал. Одна из предшествующих стратегий, принятая в 2003 г., отсылала к международному сотрудничеству уже в названии — «Стратегия социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года» [31].

Стратегия Калининградской области самая объемная в выборке — в ней 111 720 слов, поэтому и абсолютное число упоминаний слов-маркеров велико — 832. Среди лидеров слова «иностранный / зарубежный» (186 упоминаний), «Европа / европейский» (110), «Литва» (78), «Польша» (57), «Балтика» (50), «Германия» (50), «Балтийское море» (46), ВТО (46).

Таким образом, помимо очевидных объективных факторов на проявленность балтийской, европейской и глобальной тематики в стратегии Калининградской области повлияли ее объем и научный стиль, обусловленные возможностью привлечения высококвалифицированных ученых и обилием научно-аналитических материалов, посвященных этой уникальной области.

Обратная ситуация наблюдается в **Ленинградской области**. «Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года» была первоначально утверждена областным законом 8 августа 2016 г. и изменена 3 декабря 2019 г.¹. Эта стратегия радикально отличается от стандартных региональных стратегий прежде всего минимализмом — в ней 13 638 слов (55 страниц) — в 8 раз меньше, чем в стратегии Калининградской области, и в 4 раза меньше, чем в стандартных стратегиях, где обычно около 200 страниц. При этом семь страниц оформлены как приложения, то есть собственно стратегия занимает 48 страниц. Если теме экспорта в стратегии Калининградской области отведено 54 страницы, то в стратегии Ленинградской области — чуть больше одной страницы. Краткая экономико-географическая справка выделена в приложение и занимает две страницы.

Понято, что при такой лаконичности трудно ожидать наличия большого числа слов-маркеров: их всего 12, из них по два раза встречаются слова «Балтика», «Финляндия», «Эстония», «ЕС», «иностранный / зарубежный».

В таком коротком тексте вырастает значимость каждой фразы. Знаменательно, что среди шести факторов, названных важными для развития Ленинградской области, четыре связаны с изучаемыми векторами:

- 1) приграничное положение (граница с двумя странами ЕС);

¹ Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 г., *Комитет экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области*, URL: <https://econ.lenobl.ru/ru/budget/planning/concept2030/> (дата обращения: 20.05.2024).

2) выгодное приморское положение (берег Балтийского моря), наличие крупных действующих и строящихся морских портов;

3) транспортный узел, расположенный в створе панъевропейского транспортно-коридора и международного транспортного коридора «Север — Юг»;

4) мультимодальность перевозок: пересечение морских, речных, железнодорожных, автомобильных, воздушных, трубопроводных и телекоммуникационных трасс).

В данном случае это могло бы быть основанием для отнесения стратегии Ленинградской области в группу стратегий с высокой проявленностью балтийского, европейского и глобального векторов.

Рассмотренные примеры показывают ограниченность формального метода подсчета слов-маркеров, но и подтверждают его возможность выявлять важные ситуации для углубленного исследования.

Муниципальные стратегии

Обратимся теперь к муниципальным стратегиям, их группировка по пяти уровням проявленности векторов отображена на рисунке. Для балтийского и глобального векторов диапазон вариации значений ИПВ примерно совпадет и граничные значения шкалы совпадают. Для европейского вектора шкала отличается.

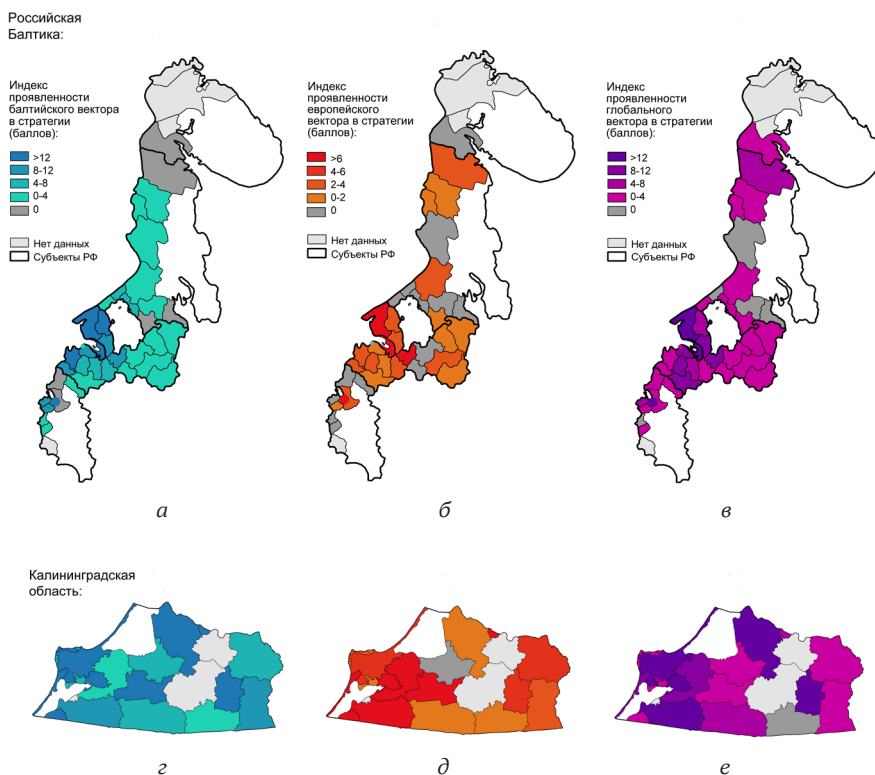

Рис. Проявленность балтийского (а), европейского (б) и глобального (в) векторов в стратегиях муниципальных образований Российской Балтики без Калининградской области; муниципальных образований Калининградской области (з—е)

Примечание. На картосхеме отображены только включенные в исследование муниципальные образования и регионы. Для пар картосхем а—з, б—д, в—е применяются одинаковые условные обозначения.

Значения суммарного ИПВ оказались крайне дифференцированы и находятся в диапазоне от 0 баллов у Прионежского муниципального района до 98,3 балла у Пскова. При этом 26 муниципальных стратегий (46 % от всех изученных) имеют сумму ИПВ трех векторов меньше 10.

Аналогичная дифференциация наблюдается и по каждому из векторов. По балтийскому вектору значения ИПВ изменяются от 0 до 69,6, по европейскому — от 0 до 23,4, по глобальному — от 0 до 20.

Отдельного внимания заслуживают нулевые значения ИПВ. Глобальный вектор не проявился в стратегиях 6 МО, 4 из них в Республике Карелия, по 1 — в Псковской и Калининградской областях. По балтийскому вектору также 6 стратегий показали нулевой ИПВ — все МО с такими стратегиями относятся к внешнему кругу Российской Балтики. Европейский вектор не проявился в стратегиях 16 МО: в Псковской области это пять стратегий из восьми изученных, в Карелии — шесть из одиннадцати. Ноль баллов по суммарному ИПВ получила одна стратегия Прионежского района Республики Карелия.

В определенной степени такая ситуация имеет объективные предпосылки — многие районы Карелии и Псковской области периферийны, слабо связаны с внешним миром. Не исключено, что сказался и субъективный фактор недостаточной квалификации разработчиков — муниципальные бюджеты псковских районов вряд ли позволяют нанять профессиональных консультантов. Детальное изучение выявленного феномена может стать предметом отдельного исследования.

Географические закономерности обнаруживаются полноценно только по проявленности балтийского вектора: значения ИПВ убывают в направлении севера, востока и юга относительно побережья Финского залива (рис., а). Среди лидеров Выборгский район, Санкт-Петербург, Кингисеппский район. Значения ИПВ муниципалитетов Ленинградской области в среднем больше, чем в Псковской области, Республике Карелия и Мурманской области.

Однако есть и исключения. Стратегия Пскова по значению ИПВ балтийского вектора заняла второе место во всей выборке стратегий. В Псковской области значения ИПВ для стратегий Печорского и Палкинского районов выше, чем для стратегий севернее расположенных Гдовского, Псковского и Плюсского районов.

Муниципальные образования Калининградской области в целом продемонстрировали высокий уровень проявленности балтийского вектора в стратегиях. Лидерами являются Калининград и Зеленоградский городской округ.

По проявленности европейского и глобального векторов аналогичные географические закономерности выражены меньше: значения ИПВ с увеличением расстояния от берега Балтийского моря последовательно не уменьшаются. Так, например, в Ленинградской области по проявленности европейского вектора в стратегии одним из лидеров оказался Кировский район, а в Республике Карелия — самый северный Лоухский район, а также Суоярвский район (рис., б). Если в последнем случае можно объяснить результат фактором приграничности или «эффектом соседства», то в случае Ленинградской области эти же факторы не имеют объяснительной силы.

В Калининградской области распределение результатов по значениям ИПВ для европейского и глобального векторов вновь неоднородно, закономерности по типу «запад — восток», «север — юг» и «центр — периферия» не выражены (рис., в, г). Отсутствие таковых явных географических закономерностей может быть объяснено комплексом непространственных факторов, таких как специфика консультантов, привлекавшихся к разработке, и политическая культура местных сообществ.

Четко выражена только ожидаемая дифференциация между ближним и внешним кругом балтийских объектов: балтийский и европейский векторы в стратегиях ближнего круга проявлены в 2,7 раза сильнее, чем в стратегиях внешнего круга (табл. 4). Логично и то, что дифференциация по проявленности глобального вектора несколько ниже (в 1,9 раза).

Таблица 4

**Проявленность балтийского, европейского и глобального векторов
в муниципальных стратегиях ближнего и внешнего кругов Российской Балтики**

Круг балтийских объектов	Количество стратегий, ед.	Среднее значение ИПВ, баллов			
		Балтийский вектор	Европейский вектор	Глобальный вектор	Сумма ИПВ
Ближний	24	14,79	4,78	6,56	26,13
Внешний	33	5,48	1,73	3,52	10,73
Разница между средними значениями ИПВ, раз		2,70	2,76	1,86	2,43

Посмотрим на стратегии муниципальных образований с наибольшими значениями ИПВ (табл. 5) Максимальные значения ИПВ получены по балтийскому вектору, что объясняется, с одной стороны, методикой исследования (по балтийскому вектору рассматривалось больше слов-маркеров), с другой — объективной значимостью тематики для изучаемых муниципалитетов и регионов. Таким образом, вес значений ИПВ по балтийскому вектору доминирует в суммарной оценке, однако результаты ранжирований по ИПВ балтийского вектора и сумме ИПВ отличаются.

Таблица 5

**Лидеры по значению ИПВ балтийского, европейского и глобального векторов
в стратегиях муниципальных образований Российской Балтики**

Балтийский вектор			Европейский вектор			Глобальный вектор			Суммарно		
МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный
Псков			Калининград			Багратионовский МО			Псков		
	69,6	0,83		23,4	1,35		20,0	0,91		98,3	1,17
Выборгский район			Псков			Калининград			Выборгский район		
	54,6	0,98		15,8	0,19		17,8	1,03		77,4	1,39
Калининград			Багратионовский МО			Славский ГО			Калининград		
	35,9	2,08		9,9	0,45		14,8	0,86		77,0	4,46
Зеленоградский ГО			Балтийский ГО			Выборгский район			Зеленоградский ГО		
	31,5	1,97		9,8	0,25		13,5	0,24		50,4	3,15
Кингисеппский район			Кировский МР			Зеленоградский ГО			Балтийский ГО		
	29,5	1,43		9,5	0,17		13,3	0,83		46,0	1,19

Окончание табл. 5

Балтийский вектор			Европейский вектор			Глобальный вектор			Суммарно		
МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный	МО	ИПВ	ИПВ относительный
Балтийский ГО	27,9	0,72	Выборгский район	9,3	0,17	Псков	12,9	0,15	Багратионовский МО	39,1	1,79
Гусевский ГО	21,0	0,93	Гвардейский ГО	7,0	0,40	Гусевский ГО	12,5	0,55	Гусевский ГО	37,8	1,67
Приозерский район	18,4	0,33	Мамоновский ГО	6,9	0,29	Кировский район	12,0	0,21	Кингисеппский район	35,5	1,72
Светлогорский ГО	16,9	0,51	Советский ГО	6,1	0,29	Лужский район	10,9	0,23	Кировский район	32,5	0,58
Советский ГО	16,8	0,79	Гурьевский ГО	6,1	0,37	Всеволожский район	10,0	0,17	Славский ГО	29,4	1,71

Для муниципальных стратегий (в отличие от региональных) переход от анализа абсолютного ИПВ к относительному вносит заметные коррективы в результаты. Стратегия Калининграда, занимающая третью позицию по суммарному абсолютному ИПВ, по относительному ИПВ оказывается на первом месте с большим отрывом от остальных стратегий. Стратегия Пскова, получившая первое место по абсолютному ИПВ балтийского вектора, опускается на восьмое. Стратегия Краснознаменского ГО по абсолютному ИПВ европейского вектора не входит десятку лидеров, а по относительному ИПВ оказывается третьей. Однако обобщенные результаты ранжирования схожи: перечни десяти лидеров по значениям абсолютного и относительного ИПВ для балтийского и европейского векторов совпадают на 70 %, для глобального — на 50 %, для суммарного — на 80 %.

Если наличие в тройке лидеров Калининграда и Выборгского района не удивительно, то высокое место Пскова на первый взгляд неожиданно. Посмотрим на стратегии этих МО внимательнее.

Балтийская ориентация **Пскова** на самом деле естественна. Она обусловлена его положением и четко отрефлексирована на сайте города: в исторической справке отмечено, что «освоению края способствовала соединенность речной системы Чудского озера с Варяжским (Балтийским) морем»¹. Стратегия Пскова — одна из самых недавних и пространных. Документ, называющийся «Стратегия развития города Пскова до 2030 года», утвержден Решением Псковской городской думы 25 декабря 2020 г.² и содержит 83 653 слова (около 300 страниц). В структуре документа гипертрофировано выделяется раздел анализа, ему отведено две трети объема — 200 страниц. На высокие значения ИПВ (98,3) повлияло частое употребление таких слов, как иностранный (21), Европа / европейский (19), приграничное (18), Ганза /

¹ История, *Муниципальное образование «Город Псков»*, URL: <https://pskov.gosuslugi.ru/omunitsipalnom-obrazovanii/istoriya/> (дата обращения: 21.05.2024).

² Решение Псковской городской Думы от 25.12.2020 г. № 1411 «Об утверждении Стратегии развития города Пскова до 2030 года», *Портал Администрации г. Пскова*, URL: <http://kser.pskovadmin.ru/strategia> (дата обращения: 22.05.2024).

Ганзейский (13), Эстония (10), Латвия (8), ЕС (8). Всего 122 упоминания, и если бы не был введен понижающий коэффициент для слов, встречающихся в разделе анализа, лидирование стратегии Пскова было бы еще большим.

Значительная часть слов-маркеров встречается в контексте развития туризма, которому в Пскове уделено большое внимание. Традиционно Псков участвовал в международных программах сотрудничества, для этого в 2018 г. был создан Комитет по реализации программ приграничного сотрудничества и туризму, в котором выделен отдел по реализации программ приграничного сотрудничества. В 2020 г. действовало не менее десяти проектов в рамках шести двусторонних и многосторонних программ приграничного и трансграничного сотрудничества. В целевых разделах стратегии слов-маркеров существенно меньше, в основном они сконцентрированы в специальном разделе, посвященном развитию и укреплению приграничного и трансграничного сотрудничества. Таким образом, высокие значения ИПВ стратегии Пскова обусловлены как объективными факторами приграничного положения и использования его для реализации программ сотрудничества, так и повышенным объемом текста стратегии.

Исторически и географически **Выборгский район Ленинградской области**, бывший некогда частью Финляндии и имеющий протяженную морскую границу, максимально предрасположен к проявлению балтийского вектора в развитии. Это проявляется в его стратегии. Изученная «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области на период до 2025 года» хранится на сайте района в виде проекта, подготовленного компанией Энко¹. Можно предположить, что в таком виде она и была принята в декабре 2015 г. В тексте обнаружено 111 слов-маркеров (суммарный ИПВ — 76,8). Чаше других упоминаются слова «Финляндия» (25), «Финский залив» (19), «иностранный / зарубежный» (16), ЕС (13), «Хельсинки» (9).

Текст стратегии занимает почти 200 страниц (55 496 слов), часть текста (30 страниц) оформлена как приложения. Документ подготовлен профессиональными географами и проектировщиками. Соответственно, имеется обстоятельный раздел с описанием и анализом текущей ситуации и адекватной оценкой особенностей географического положения. Отмечено приграничное положение с ЕС, наличие выхода к морю и трех портов, значение Сайменского канала. В числе важных факторов развития указано выгодное транспортно-географическое положение, обусловившее прохождение через территорию района международных транспортных коридоров («Панъевропейский транспортный коридор №9», «Евроазиатский международный транспортный коридор «Север — Юг», «Евроазиатский международный транспортный коридор «Транссиб»). Усиление транспортно-логистической функции признано важным направлением развития.

Эти же сюжеты сохранились и в «Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области на период до 2035 года», принятой 21 мая 2024 г.². Эта стратегия концептуально сохраняет преемственность со стратегиями 2015 г., но стала в 4 раза короче (56 страниц). Балтийская ориентация проявляется уже в первом разделе, где отмечается наличие международных пунктов пропуска. Указывается на портовый комплекс в Примор-

¹ Решение Совета депутатов муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области № 75 от 23.11.2010 г., *Официальный портал муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области*, URL: <https://vbglenobl.ru/ekonomika/kontseptsiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 27.05.2024).

² Решение Совета депутатов муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области № 272 от 21.05.2024 г., URL: <https://vbglenobl.ru/sites/default/files/doc/272.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

ске, который стал самым крупным специализированным портом по экспорту нефти и нефтепродуктов в России, и морские СПГ-терминалов в Высоцке и бухте Портовой. В порту Высоцк завершается строительство терминала для перевалки зерновых грузов, получателями которых могут стать страны Северо-Западной и Западной Африки. Буквально повторен абзац из предыдущей стратегии с перечислением международных транспортных коридоров.

Сокращение объема текста и коренное изменение геополитической ситуации сказались на том, что слова-маркеры встречаются гораздо реже и в ином контексте. Производные от слова «Европа» упоминаются лишь трижды при характеристике Выборга в качестве памятника средневековой *европейской* архитектуры и в названии кинофестиваля «Окно в Европу». Аналогично только три раза встречаются слова, производные от слова «Финляндия», из них дважды речь идет железнодорожных пунктах — Финляндском вокзале и станции Санкт-Петербург — Финляндский. Финский залив встречается три раза. Дважды упоминается Балтийское море, всего производных от слова «Балтика» десять. «ЕС» встречается однажды при оценке слабых сторон географического положения — «Прекращение приграничного сотрудничества со странами ЕС». Приграничность сохранилась в характеристике одного из трех ключевых стратегических направлений: «МО «Выборгский район» — стратегическая приграничная территория с развитым транспортно-логистическим комплексом и конкурентоспособной экономикой на основе использования прогрессивных технологий в промышленности и сельском хозяйстве». Любопытно, что в стратегии 2015 г. эта фраза не включала вторую часть про конкурентоспособную экономику.

Содержательное изучение обеих стратегий Выборгского района позволяет утверждать, что балтийский вектор в них отражен адекватно, что при формальном подсчете слов-маркеров в стратегии 2024 г. проявилось бы недостаточно.

Калининград одним из первых в России начал осваивать стратегическое планирование — первая стратегия появилась почти сразу вслед за Стратегическим планом Санкт-Петербурга (1997) и была очень на него похожа. Действующая Стратегия социально-экономического развития ГО «Город Калининград» на период до 2035 года» утверждена в 2013 г., изменения в отдельные разделы вносились ежегодно с 2016 по 2020 г., а в октябре 2023 г. текст был заменен целиком¹.

Количественный анализ проводился для первоначальной редакции 2013 г. Стратегия относительно краткая — 17 261 слово, 81 страница. Тем не менее по абсолютному числу упоминаемых слов-маркеров (123) этот текст опережает существенно более объемные стратегии Пскова (122) и Выборгского района (111). Однако с учетом взвешивания, применяемого в формуле расчета абсолютного ИПВ, стратегия Калининграда занимает третье место по сумме ИПВ, будучи при этом на первом месте по ИПВ европейского вектора, на втором по ИПВ глобального вектора и третьем по ИПВ балтийского вектора. Переход к относительным ИПВ выводит стратегию Калининграда на первые места по всем параметрам (см. табл. 5). Чаще всего встречались слова «Европа / европейский» (35), «Балтика» (18), «иностран- ный / зарубежный» (15), «Германия» (10), «Польша» (8), «Балтийский макрореги- он» (7), «ЕС» (7), «ВТО» (5).

Один из сценариев развития города носит название «Коммуникационный (рисковый)». В его основе лежит идея превратить Калининград в международный ярмарочно-выставочный, экспозиционный центр Балтийского макрорегиона,

¹ Стратегия социально-экономического развития ГО «Город Калининград» на период до 2035 г., *Администрация ГО «Город Калининград»*, URL: <https://www.klgd.ru/activity/economy/planirovaniye/strategy/> (дата обращения: 20.05.2024).

центр культурной и бизнес-коммуникации между Россией и Европой. Элементы этого сценария отразились в формулировке миссии города: «Калининград — город для комфортной жизни и работы, площадка коммуникации и взаимодействия России и стран Европы в сфере бизнеса, инновационной экономики, образования и культуры».

После актуализации, сделанной в конце 2023 г., стратегия Калининграда стала почти в три раза короче и укладывается в 32 страницы (из которых 8 страниц — приложение с описанием проектов преобразований отдельных территорий). Резко уменьшилось число сюжетов, связанных с внешними функциями, большее внимание уделено внутренним аспектам — концепции компактного города, пространственному развитию, комфортной среде, креативной индустрии, здравоохранению, переходу к экономике знаний и туризма и т. п. Связь с Балтийским регионом просматривается лишь в нескольких фразах — упомянуто, что сильной стороной города является один из незамерзающих портов на Балтике с развитой портовой инфраструктурой. Из обновленной миссии города исчезла функция коммуникаций России и Европы, но осталось упоминание Балтики: «Калининград — город 15-минутной доступности, инновационно-образовательный, креативный, туристический центр на Балтике». Слов-маркеров практически не осталось.

Рассмотренная метаморфоза стратегии Калининграда наглядно иллюстрирует изменение значения и направления того или иного вектора вслед за изменением глобального контекста.

Выводы

Обдумывание результатов исследования приводит к выводам, которые можно сгруппировать в несколько направлений.

1. Изучение стратегий: для чего.

В идеале стратегия аккумулирует идеи, господствующие на данной территории в треугольнике «власть — бизнес — общество» и влияет на реальное социально-экономическое развитие. Поэтому неслучайно изучение стратегий стало особым научным направлением, позволяющим, в частности, выносить суждения о целевых ориентирах тех или иных территориальных сообществ. Однако в реальности стратегия может оказаться сделанной «для галочки», без заинтересованного участия сообщества и будет в этом случае отражать только штампованные неспецифичные положения, привнесенные незаинтересованным консультантом или скопированные в Интернете местным специалистом. Кроме того, развитие не всегда следует стратегии. Эти обстоятельства следует всегда иметь в виду.

Если исходить из предположения, что стратегия разработана идеально, то отсутствие в ней признаков балтийского вектора соответствует объективной ситуации. Но этот факт может быть вызван и низкой квалификацией и недостаточным усердием разработчика.

2. Влияние стратегий на развитие.

Обращаясь к обозначенной в начале статьи сверхзадаче — внести вклад в проблему выявления влияния муниципального и регионального планирования на развитие территорий, — можно утверждать, что небольшой шаг в данном направлении сделан. Мы выявили те муниципалитеты Российской Балтики, в которых стратегии существенно ориентированы на балтийский вектор. Но это только первый шаг. Чтобы выяснить, насколько наблюдаемый объективно балтийский вектор является рукотворным и какой уровень власти имел больший вес в формировании этого вектора, необходим историко-экономический анализ каждого кейса. При выборе кейсов можно ориентироваться на муниципалитеты с большей проявленностью бал-

тийского вектора. История отдельных городов и регионов хорошо известна. Так, Санкт-Петербург всегда позиционировался как окно в Европу, и деятельность его первого мэра Анатолия Собчака была несомненно важным фактором укрепления балтийского и европейского векторов, зафиксированных и в первом Стратегическом плане Санкт-Петербурга 1997 г. Аналогично несомненен и выдающийся вклад первого главы администрации Калининградской области Юрия Маточкина, который добился для области статуса свободной экономической зоны, опираясь на местный экспертный потенциал. Понятна и большая роль региональной и городской власти Пскова в инициации проектов балтийского сотрудничества. Можно утверждать, что как минимум есть регионы и МО, где стратегии поддерживали объективные возможности развития в направлении балтийского вектора.

3. Что нового мы узнали о Российской Балтике.

Изучение Российской Балтики через стратегии составляющих ее регионов и МО дает новое знание о состоянии системы управления территорией. Очевидный факт неоднородности такого большого макрорегиона, как Российская Балтика, проявился и в степени внимания, уделяемого властями в стратегиях возможностям и ограничениям, обусловленным вхождением в данный макрорегион. Причем не всегда это связано с географической близостью к морю или внешним границам. Имеет значение и наличие транспортной связности и субъективный фактор — присутствие в команде администрации специалистов, ориентированных на международное сотрудничество и готовых к нему.

Оказалось, что если рассматривать Российскую Балтику как набор МО и взглянуть на «силу тяготения» к Балтийскому морю и балтийским возможностям, проявленную в стратегиях, то обнаружатся лакуны и мозаичность: МО, в которых балтийский вектор отсутствует или очень слабо выражен. Это позволяет использовать представленную в статье картосхему как повод для дальнейших размышлений о составе Российской Балтики.

4. Практическая значимость.

В свете начала нового этапа стратегирования в 2024 г., связанного с установлением обновленных национальных целей развития, а также с изменением ситуации в бассейне Балтийского моря, может быть весьма полезна сравнительная характеристика действующих стратегий. Выявленные примеры лучшей практики в части отражения в стратегиях балтийского вектора развития могут быть использованы разработчиками стратегий. Региональные органы власти могут обратить повышенное внимание к разработке стратегий тех МО, у которых они недостаточно учитывают балтийский вектор, и оказать им в этом помощь.

5. Изучение стратегий: какие стратегии изучать.

Стратегическому планированию на муниципальном уровне в России уже больше 25 лет. Во многих МО было принято уже несколько стратегий, каждая из которых подвергалась корректировкам. Это открывает возможности изучения стратегий в динамике, позволяет отслеживать изменения в целях и приоритетах развития отдельного МО или группы МО. Так, включение в орбиту исследования новых версий стратегий Калининграда и Выборгского района дало возможность увидеть, как под влиянием коренного изменения геополитического положения изменяется масштаб и модальность проявления рассматриваемых векторов. Но реализовать открывающиеся возможности непросто — если в ГАСУ архивные версии стратегий могут быть найдены, то по стратегиям, не учтенным в ГАСУ, найти прошлые версии бывает невозможно. При конкретизации условий каждого нового исследования за определенный период надо четко фиксировать задачу поиска — будем ли

учитывать корректировки, изучать начальные или конечные редакции или обе. Мы не смогли в нашем исследовании сравнить ИПВ нескольких версий одного региона или МО, хотя такая мысль была.

Отдельный нюанс — появление в системе документов планирования мастер-планов городов и агломераций, которые в значительной части по содержанию аналогичны стратегиям. Включать ли их в анализ, как использовать контент-анализ с учетом большого количества в мастер-планах нетекстовой информации (иллюстраций, картосхем). Так, в нашем исследовании самая старая стратегия — Багратионовского района. При этом совсем недавно был создан мастер-план Багратионовска, не попавший в число изучаемых документов.

6. Изучение стратегий: возможности контент-анализа.

Контент-анализ текста стратегий, на наш взгляд, дает полезные результаты не сам по себе, а в сочетании с другими методами. Чаще всего контент-анализ может стать предварительным этапом, позволяющим выявить кейсы, заслуживающие внимания, подвергаемые затем экспертной обработке. Например, изучение дифференциации ИПВ выявило как ожидаемые закономерности (превышение ИПВ в стратегиях объектов ближнего круга Российской Балтики над ИПВ стратегий объектов внешнего круга), так и некоторые аномалии (гипертрофированный отрыв ИПВ стратегии Калининградской области от всех остальных и сильное отставание ИПВ Ленинградской области). Аномалии были изучены и объяснены различиями в объеме и стилистике текстов стратегий.

Контент-анализ должен быть не самоцелью, а встроен в контекст конкретной исследовательской задачи. Используемая нами модификация предполагает формирование списка слов-маркеров, адекватных исследуемому вопросу, и анализ частоты встречаемости этих слов. Такой подход более продуктивен, чем, например, примененный в [10], когда формируется «облако слов» и в нем ведется поиск каких-то закономерностей.

В ходе проведенного исследования получен ценный методический результат — апробированы дополнения в авторскую методику, позволяющие учитывать интуитивно различную значимость слов в контексте решаемой задачи. Предложена схема, позволяющая объективировать разделение множества слов-маркеров по степени значимости на основании их фактической встречаемости в изучаемом массиве текстов. Кроме того, значимость дифференцирована в зависимости от раздела стратегии, в котором находится слово. Это уже элемент сочетания контент-анализа и экспертного анализа. В дальнейшем полезно проработать алгоритм перехода от контент-анализа к экспертному структурно-содержательному анализу или включению контент-анализа в экспертный анализ.

Важным моментом стало использование относительных значений встречаемости слов (в расчете на количество слов в тексте). Выяснилось, что в данном случае значимой корреляции между объемом стратегии и значениями ИПВ нет. Встречаются небольшие стратегии с высокими значениями ИПВ и, наоборот, объемные, но с малыми значениями ИПВ. Сопоставление результатов ранжирования стратегий по значениям абсолютных и относительных значений ИПВ не показало принципиальных различий. В дальнейшем мы предполагаем использовать относительные значения.

7. Углубление исследования.

Предметом продолжения данного исследования могло бы быть сопоставление объективной выраженности балтийского вектора и проявленности этого вектора в стратегии. Для этого необходимо будет найти способ оценки объективной выраженности вектора в экономике (посредством анализа транспортных связей, товарных потоков, туристических посещений), в общественном секторе (использование

сходных с балтийскими странами методов в управлении, наличие проектов сотрудничества), в городской среде и стереотипах поведения жителей (топонимика, типы заведений общественного питания, общественные пространства и т. п.).

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием ИПРЭ РАН по теме «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирования механизмов ее реализации в регионах» (код FMGS-2024-0001).

Список литературы

1. Дружинин, А. Г., Кузнецова, О. В. 2022, Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 4—19, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-1>
2. Дружинин, А. Г. 2023, Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 6—23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
3. Клемешев, А. П., Корнеевец, В. С., Пальмовский, Т., Студжиницки, Т., Федоров, Г. М. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
4. Колосов, В. А., Зотова, М. В., Себенцов, А. Б. 2016, Барьерная функция российских границ, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 8—20, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-8-20>
5. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А., Гуменюк, И. С., Федоров, Г. М. 2022, *Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 2: Регионы Западного и Юго-Западного побережья России*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта. EDN: KWYVPC
6. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
7. Дружинин, А. Г., Лачининский, С. С., Шендрик, А. В. 2018, Экономическая и селитебная динамика поселений Ленинградской области: влияние факторов трансграничной кластеризации, *Известия Русского географического общества*, № 3, с. 12—27. EDN: XNGLXV
8. Gres, R. A., Zhikharevich, B. S., Pribyshin, T. K. 2022, Arctic Specifics in Arctic Municipal Strategies, *Regional Research of Russia*, vol. 12, № 2, p. 192—203, <https://doi.org/10.1134/s207997052202020125>
9. Будаева, К. В., Климанов, В. В. 2014, Эволюция разработки и содержания документов регионального стратегического планирования в России, *Региональная экономика: теория и практика*, № 40, с. 52—63. EDN: SVJZSN
10. Рослякова, Н. А., Митрофанова, И. В., Каневский, Е. А., Боярский, К. К. 2023, Особенности социально-экономического развития регионов севера и юга России: методика полуавтоматического анализа документов стратегического планирования, *Север и рынок: формирование экономического порядка*, № 3, с. 61—77, <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.004>
11. Рисин, И. Е., Чичерина, А. С. 2021. Оценка современной практики разработки стратегий социально-экономического развития крупных городов, *Региональная экономика. Юг России*, т. 9, № 2, с. 13—21, <https://doi.org/10.15688/te.volsu.2021.2.2>
12. Костко, Н. А., Печеркина, И. Ф., Попкова, А. А. 2022, Модели реализации концепции «Умный город» в стратегиях социально-экономического развития крупных городов Российской Федерации, *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 4, с. 197—223, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-4-197-223>
13. Лубсанова, Н. Б., Максанова, Л. Б.-Ж., Бардаханова, Т. Б., Михеева, А. С., Садыкова, Э. П. 2022, Методология оценки «зеленого» вектора регионального развития, *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*, № 4, с. 78—89, <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-4-78-89>

14. Stepanova, S. V. 2016, The role of tourism in the development of Russia's Northwestern border regions, *Baltic Region*, vol. 8, № 3, p. 109—120, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-9>
15. Глухих, П. Л. 2022, Адаптация региональных стратегий к новому целевому показателю развития несырьевого экспорта, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 34—55, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-3>
16. Marciszewska, B. 2022, Public-private partnership and strategic documents for the development of regional tourism: an example of the voivodships in northern Poland, *European Research Studies Journal*, vol. 25, № 2, p. 461—473, <https://doi.org/10.35808/ersj/2947>
17. Rinkinen, S., Oikarinen, T., Melkas, H. 2016, Social enterprises in regional innovation systems: a review of Finnish regional strategies, *European Planning Studies*, vol. 24, № 4, p. 723—741, <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1108394>
18. Ahvenniemi, H., Huovila, A. 2021, How do cities promote urban sustainability and smartness? An evaluation of the city strategies of six largest Finnish cities, *Environment, Development and Sustainability*, vol. 23, p. 4174—4200, <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00765-3>
19. Bhatt, Y., Ghuman, K., Dhir, A. 2020, Sustainable manufacturing. Bibliometrics and content analysis, *Journal of Cleaner Production*, vol. 260, 120988, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120988>
20. Torelli, R., Balluchi, F., Furlotti, K. 2020, Themateriality assessment and stakeholder engagement: A content analysis of sustainability reports, *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 27, № 3, p. 470—484, <https://doi.org/10.1002/csr.1813>
21. Jamali, N., Vatankhah, S., Maleki, M., Emami, S. M. H. 2023, Entrepreneurship Development Policies in Iran; A critical Review of the Strategic Document and A Comparison to Alphabet Model of Global Entrepreneurship Monitor, *International Journal of Management and Business Research*, vol. 7, № 1, p. 121—141.
22. Fallah, R., Maleki, M., Aryankhesal, A., Haghdoost, A. 2023, Reviewing the national health services quality policies and strategies of the Iranian health system: A document analysis, *International Journal of Preventive Medicine*, vol. 14, № 1, 107 p., https://doi.org/10.4103/ijpvm.ijpvm_1_22
23. Kleinheksel, A. J., Rockich-Winston, N., Tawfik, H. E., Wyatt, T. R. 2020, Demystifying Content Analysis, *American Journal of Pharmaceutical Education*, vol. 84, № 1, <https://doi.org/10.5688/ajpe7113>
24. Kyngäs, H., Kääriäinen, M., Elo, S. 2020, The Trustworthiness of Content Analysis, in: Kyngäs, H., Mikkonen, K., Kääriäinen, M. (eds.), *The Application of Content Analysis in Nursing Science Research*, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30199-6_5
25. Lindgren, B.-M., Lundman, B., Graneheim, U. H. 2020, Abstraction and interpretation during the qualitative content analysis process, *International Journal of Nursing Studies*, vol. 108, <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103632>
26. Wood, L. M., Sebar, B., Vecchio, N. 2020, Application of Rigour and Credibility in Qualitative Document Analysis: Lessons Learnt from a Case Study, *Qualitative Report*, vol. 25, № 2, p. 456—470, <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2020.4240>
27. Baden, C., Kligler-Vilenchik, N., Yarchi, M. 2020, Hybrid Content Analysis: Toward a Strategy for the Theory-driven, Computer-assisted Classification of Large Text Corpora, *Communication Methods and Measures*, vol. 14, № 3, p. 165—183, <https://doi.org/10.1080/19312458.2020.1803247>
28. Gao, H., Ding, X.-H., Wu, S. 2020, Exploring the domain of open innovation: Bibliometric and content analyses, *Journal of Cleaner Production*, vol. 275, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122580>
29. Smit, B., Scherman, V. 2021, Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software for Scoping Reviews: A Case of ATLAS.ti, *International Journal of Qualitative Methods*, vol. 20, <https://doi.org/10.1177/160940692111019140>
30. Жихаревич, Б. С., Гресь, Р. А., Прибышин, Т. К. 2023, Эволюция содержания стратегий российских городов (1997—2022), *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 2, с. 38—49, <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-2-38-49>

31. Федоров, Г.М. 2019, Три стратегии развития Калининградской области (1991—2018 годы), *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 5—19. EDN: НХРУРА

Об авторах

Роберт Андреевич Гресь, младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия; аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Robert.a.gres@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-1074>

Борис Савельевич Жихаревич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия; заместитель директора, Леонтьевский центр, Россия.

E-mail: zhikh@leontief.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7171-6335>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE BALTIC AGENDA IN THE STRATEGIES OF RUSSIA'S BALTIC REGIONS AND MUNICIPALITIES

R. A. Gres^{1, 2}

B. S. Zhikharevich^{1, 3}

¹ Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, 36–38/A Serpukhovskaya St., St. Petersburg, 190013, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

³ Leontief International Centre for Socioeconomic Research, 25/A 7th Krasnoarmeyskaya St, St. Petersburg, 190005, Russia

Received 29 May 2024

Accepted 31 August 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-4

© Gres, R. A., Zhikharevich, B. S., 2024

Quantitative content analysis was employed to examine 63 strategies for the socioeconomic development of regions and municipalities within Russian Baltic territories. The aim was to assess the extent to which the ‘Baltic agenda’ – themes specific to this area – manifest themselves in the documents. Strategies developed between 2010 and 2023 and in force as of February 2024 were analysed. Indices of manifestation (IM) were calculated based on the number of mentions of 77 marker words. The formula for IM calculation includes the absolute number of mentions of words, adjusted for their significance, which was determined by their frequency of use and location within the text of the strategy. The IM was computed for three interrelated directions: Baltic, European and global. The maximum values of IM are characteristic of the strategy of the Kaliningrad region, which, in addition to objective

To cite this article: Gres, R. A., Zhikharevich, B. S. 2023, The Baltic agenda in the strategies of Russia's Baltic regions and municipalities, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 62–85. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-4

factors, is due to the unusual voluminosity of the document. At the municipal level, the most impressive performances on this measure are seen in municipalities of the Kaliningrad region (Kaliningrad, Zelenogradsk, Gusev, Slavsk, Baltiysk and Bagrationovsk), Vyborg in the Leningrad region and Pskov. For Kaliningrad and Vyborg, two strategy versions were examined, making it possible to observe changes in the volume and focus on Baltic issues: the strategies are becoming shorter, with diminishing attention given to the Baltic agenda. A map diagram was drawn to illustrate the division of municipal strategies into five groups for each direction. Spatial differentiation is evident: the average IM value for the documents of the inner band of the Russian Baltic area is 2.7 times that for strategies of the outer band.

Keywords:

Baltic agenda, Baltic region, socioeconomic development strategy, subject of the Federation, municipality, content analysis

References

1. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V. 2022, The sea factor in the federal regulation of Russia's spatial development: post-soviet experience and current priorities, *Baltic Region*, vol. 14, №4, p. 4—19, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-1>
2. Druzhinin, A. G. 2023, The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of post-Soviet Russia: the Baltic case, *Baltic Region*, vol. 15, №4, p. 6—23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
3. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the definition of the Baltic Sea region, *Baltic Region*, vol. 9, №4, p. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>
4. Kolosov, V. A., Zotova, M. V., Sebentsov, A. B. 2016, Barrier function of Russian borders, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, №5, p. 8—20, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-8-20> (in Russ.).
5. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A., Gumenyuk, I. S., Fedorov, G. M. 2022, *Cross-border cooperation along the Russian state border. Part 2: Regions of Russia's Western and South-Western Borderlands*, Kaliningrad, IKBFU Publishing House. EDN: KWYVPC (in Russ.).
6. Kaledin, N. V., Elatskov, A. B. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, №1, p. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
7. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V. 2018, The economic and residential dynamics of settlements of the Leningrad region: influence of factors of a cross-border clustering, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, №3, p.12—27. EDN: XNGLXV (in Russ.).
8. Gres, R. A., Zhikharevich, B. S., Pribyshin, T. K. 2022, Arctic Specifics in Arctic Municipal Strategies, *Regional Research of Russia*, vol. 12, №2, p. 192—203, <https://doi.org/10.1134/s2079970522020125> (in Russ.).
9. Budaeva, K. V., Klimanov, V. V. 2014, The evolution of the development and content of regional strategic planning documents in the Russian Federation, *Regional economics: theory and practice*, №40, p. 52—63. EDN: SVJZSN (in Russ.).
10. Roslyakova, N. A., Mitrofanova, I. V., Kanevsky, E. A., Boyarsky, K. K. 2023, Features of socio-economic development in the Russian North and South: A methodology for semi-automatic analysis of strategic planning documents, *Sever i Rynok: Formirovanie Ekonomicheskogo Poradka*, №3, p. 61—77, <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.004> (in Russ.).
11. Risin, I. E., Chicherina, A. S. 2021. Assessment of the Modern Practice of Strategizing Social and Economic Development of Large Cities, *Regional Economy. South of Russia*, vol. 9, №2, p. 13—21, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.2> (in Russ.).
12. Kostko, N., Pecherikina, I., Popkova, A. 2022, Implementation models for the «smart city» concept in the strategies for socio-economic development of large cities in the Russian Federation, *Public Administration Issues*, №4, p. 197—223, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-4-197-223> (in Russ.).

13. Lubsanova, N. B., Maksanova, L. B., Bardakhanova, T. B., Mikheeva, A. S., Sadykova, E. T. 2022, Methodology for assessing the green vector of regional development, *BSU bulletin. Economy and Management*, № 4, p. 78—89, <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-4-78-89> (in Russ.).
14. Stepanova, S. V. 2016, The role of tourism in the development of Russia's Northwestern border regions, *Baltic Region*, vol. 8, № 3, p. 109—120, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-9>
15. Glukhikh, P. L. 2022, Adapting regional strategies to the new non-resource export development target, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, p. 34—55, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-3>
16. Marciszewska, B. 2022, Public-private partnership and strategic documents for the development of regional tourism : an example of the voivodships in northern Poland, *European Research Studies Journal*, vol. 25, № 2, p. 461—473, <https://doi.org/10.35808/ersj/2947>
17. Rinkinen, S., Oikarinen, T., Melkas, H. 2016, Social enterprises in regional innovation systems: a review of Finnish regional strategies, *European Planning Studies*, vol. 24, № 4, p. 723—741, <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1108394>
18. Ahvenniemi, H., Huovila, A. 2021, How do cities promote urban sustainability and smartness? An evaluation of the city strategies of six largest Finnish cities, *Environment, Development and Sustainability*, vol. 23, p. 4174—4200, <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00765-3>
19. Bhatt, Y., Ghuman, K., Dhir, A. 2020, Sustainable manufacturing. Bibliometrics and content analysis, *Journal of Cleaner Production*, vol. 260, 120988, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120988>
20. Torelli, R., Balluchi, F., Furlotti, K. 2020, Themateriality assessment and stakeholder engagement: A con-tent analysis of sustainability reports, *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 27, № 3, p. 470—484, <https://doi.org/10.1002/csr.1813>
21. Jamali, N., Vatankhah, S., Maleki, M., Emami, S. M. H. 2023, Entrepreneurship Development Policies in Iran; A critical Review of the Strategic Document and A Comparison to Alphabet Model of Global Entrepreneurship Monitor, *International Journal of Management and Business Research*, vol. 7, № 1, p. 121—141.
22. Fallah, R., Maleki, M., Aryankhesal, A., Haghdoost, A. 2023, Reviewing the national health services quality policies and strategies of the Iranian health system: A document analysis, *International Journal of Preventive Medicine*, vol. 14, № 1, 107 p., https://doi.org/10.4103/ijpvm.ijpvm_1_22
23. Kleinheksel, A. J., Rockich-Winston, N., Tawfik, H. E., Wyatt, T. R. 2020, Demystifying Content Analysis, *American Journal of Pharmaceutical Education*, vol. 84, № 1, <https://doi.org/10.5688/ajpe7113>
24. Kyngäs, H., Kääriäinen, M., Elo, S. 2020, The Trustworthiness of Content Analysis, in: Kyngäs, H., Mikkonen, K., Kääriäinen, M. (eds.), *The Application of Content Analysis in Nursing Science Research*. Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30199-6_5
25. Lindgren, B.-M., Lundman, B., Graneheim, U. H. 2020, Abstraction and interpretation during the qualitative content analysis process, *International Journal of Nursing Studies*, vol. 108, <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103632>
26. Wood, L. M., Sebar, B., Vecchio, N. 2020, Application of Rigour and Credibility in Qualitative Document Analysis: Lessons Learnt from a Case Study, *Qualitative Report*, vol. 25, № 2, p. 456—470, <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2020.4240>
27. Baden, C., Kligler-Vilenchik, N., Yarchi, M. 2020, Hybrid Content Analysis: Toward a Strategy for the Theory-driven, Computer-assisted Classification of Large Text Corpora, *Communication Methods and Measures*, vol. 14, № 3, p. 165—183, <https://doi.org/10.1080/19312458.2020.1803247>
28. Gao, H., Ding, X.-H., Wu, S. 2020, Exploring the domain of open innovation: Bibliometric and content analyses, *Journal of Cleaner Production*, vol. 275, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122580>
29. Smit, B., Scherman, V. 2021, Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software for Scoping Reviews: A Case of ATLAS.ti, *International Journal of Qualitative Methods*, vol. 20, <https://doi.org/10.1177/16094069211019140>
30. Zhikharevich, B. S., Gres, R. A., Pribyshin, T. K. 2023, Evolution of the content of strategies of Russian cities (1997—2022), *Economics of the North-West: problems and prospects of development*, № 2, p. 38—49, <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-2-38-49> (in Russ.).

31. Fedorov, G.M. 2019, Three development strategies of the Kaliningrad region (1991—2018), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 5—19. EDN: HXPYPA (in Russ.).

The authors

Robert A. Gres, Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia; PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Robert.a.gres@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-1074>

Prof Boris S. Zhikharevich, Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia; Deputy Director, Leontief Centre, Russia.

E-mail: zhikh@leontief.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7171-6335>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))